

Тембулат ГЯТОВ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЧЛЕНА НЕЗАКОННОГО ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье выделяются и описываются основные факторы, способствующие распространению экстремистских идей среди активного населения северокавказского региона. Предпринимается попытка предложить обобщенную характеристику типологического портрета лиц, способных к совершению террористического акта, а также на примере Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии делается попытка анализа внутренней мотивации, психологии «героизма», эволюции социального статуса, уровня образования членов экстремистской организации.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, социально-психологический портрет, терроризм, экстремистский «героизм»

Религиозный экстремизм и терроризм (как его крайняя форма), которые десятилетие назад были в нашей стране событием экстраординарным, за последние годы стали едва ли не повседневной реальностью. Особенно это характерно для северокавказского региона, где вооруженное бандподполье не только расширяет свою географию, растет количественно, но и приобретает новое качество.

Факторов, способствующих распространению экстремистских идей среди части населения северокавказского региона, немало, проблема терроризма — многоаспектна и многогранна. Как правило, при их анализе говорят преимущественно об экономике, тиражируя тезис, что «ребята не находят работы, поэтому и уходят в лес».

Безусловно, экономический фактор в распространении ваххабизма имеет важное значение. Но, как нам представляется, является не главным, находясь лишь в ряду других, не менее значимых причин.

Современное кавказское общество, пораженное «бациллой» клановости, коррупции, стремительно утрачивает традиционный уклад жизни, население выходит из-под контроля устоявшихся социальных структур — старейшин, родовых и территориальных органов, выполнявших прежде контролирующие, регулирующие и надзорные функции. Люди, даже не покидая мест традиционного проживания, становятся маргиналами, жизнь которых подчинена лишь добыче средств к существованию, подчас сомнительными с точки зрения морали способами.

Происходящая таким образом культурная, образовательная и морально-нравственная деградация общества «выдавливает» кавказскую молодежь из правового и социального контекста, оставляя ей террор как способ борьбы против такого положения. Зачастую он становится протестом против «власти денег», торжества аморального «закона сильного», по которому живет вся страна, а не только Северный Кавказ, где он, однако, *освящается религией*.

Вот что говорит по этому поводу в интервью изданию «Кавказская политика» один из лидеров кабардино-балкарского джамаата Расул Кудиев: «Сейчас в современной России правят законы махновщины: кто сильнее, тот и прав. И это — лицо государства. О какой справедливости может идти речь, когда вокруг такое происходит? Что можно ожидать от таких властителей? Только позор и унижение, с чем мы и сталкиваемся сегодня. На Северном Кавказе уже более десяти лет идет борьба за отстаивание своих прав. Здесь люди давно познали истинное лицо власти»¹.

Кавказский терроризм приобрел в своей основе не традиционные для региона формы ислама, а привнесенный в последние десятилетия салафизм (ваххабизм), социальные идеалы которого оказываются весьма привлекательными. Прежде всего для малоимущих людей, поскольку провозглашают радикальный разрыв с религиозной традицией, простоту жизни верующих, стремление к идеалу добровольной бедности и справедливости.

Таким образом, маргинальные слои представляют собой относительно массовую социально-психологическую базу экстремизма, но его стержень составляют несколько иные группы, отличающиеся *экстремистской симптоматикой особого рода*. Особенно остро эта проблема стоит в молодежной среде, что связано с переходным характером субъектности этой социальной группы, характеризующейся неопределенностью социального статуса и социальных идентификаций.

В этой связи чрезвычайно важным видится выделение основных типологических характеристик лиц, способных к совершению террористического акта, а также тех, кого лидеры террористических групп могут использовать для подобных акций.

Со стороны, в обыденном сознании, а нередко и в научных исследованиях сложился достаточно примитивный образ зомбированного, напичканного наркотиками «бородача-моджахеда» с заложенной в него программой самоуничтожения.

В другой интерпретации он предстает в образе жаждущего мести отчаявшегося человека, получившего таким образом возможность реализовать свои рвущиеся на волю страсти.

Безусловно, оба варианта имеют место при объяснении причин распространения экстремизма и терроризма. Однако только этими двумя состояниями объяснять популярность радикальных взглядов у достаточно большой группы населения региона было бы ошибочно.

¹ Почему молодежь уходит в лес? / URL: <http://kavpolit.com/rasul-kudiev-pisma-iz-zindana-pochemu-molodezh-uxodit-v-les/> 19.09.2012.

По нашему мнению, типологический облик воинственного северокавказского «ваххабита» с течением времени менялся незначительно. Основную массу экстремистского подполья составляют, как правило, представители северокавказских народов, хотя следует отметить появившуюся в последнее время тенденцию к привлечению в ряды боевиков представителей славянской молодежи.

Подавляющее большинство состава участников — это люди 25–35 лет, приблизительно треть — лица возрастной категории до 25 лет.

Примечательно, что в условиях Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии не находит подтверждения отмечаемая отдельными авторами тенденция «старения» состава участников бандподполья². В указанных республиках наблюдается рост числа экстремистов главным образом за счет молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет.

Утверждение о «зомби-наркоманах», превратившееся вследствие частого использования в СМИ в стереотип, по всей вероятности, связано с тем, что определенная часть экстремистов имела в прошлом пристрастие к наркотикам и алкоголю, однако сумела *путем приобщения к религии избавиться от пагубного пристрастия*.

В Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках не находит своего подтверждения и изрядно растиражированный тезис о безработице в молодежной среде, толкающей молодых людей к экстремистской деятельности. По уровню доходов, степени занятости и самозанятости (последнее в условиях обеих республик явление типичное) они ничем не отличаются от своих сверстников.

В последние годы явно обозначилась тенденция к вступлению в ряды экстремистов представителей так называемой золотой молодежи — выходцев из богатых и успешных семей. Их привлекает ощущение сопричастности к созиданию «высшего идеала», стремление создать «справедливое общество», живущее по законам морали, разумеется, мусульманской.

К сожалению, именно образованная, думающая часть кавказской молодежи наиболее остро воспринимает существующую в обществе социальную несправедливость, беззаконие и аморализм.

Кризисные явления в местном социуме приводят молодого жителя северокавказской республики к желанию *найти альтернативу такому положению вещей*. Приобщиться к некому сообществу, где понятия морали, совести, справедливости, равенства наполнены смыслом. Но в условиях современных кавказских реалий ищущий альтернативы молодой человек находит давно утраченные обществом коллективизм, братство и взаимопомощь в ваххабитском джамаате.

² Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Терроризм как главная угроза национальной безопасности на юге России. Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2011. С. 28.

Так, среди участников нападения на город Нальчик в октябре 2005 г. было немало выходцев из обеспеченных семей, врачи, адвокаты. А все лидеры экстремистского подполья «Объединенного вилайята Кабарды, Балкарии, Карачая» (Мукожев, Астемиров, Кудаев, Аттаев и др.) имели высшее образование, выделялись среди сверстников высоким уровнем интеллекта.

В анализе личности члена экстремистской религиозной организации наиболее важным является вопрос о том, *ради чего и почему* он к ней примкнул — вопрос о его личной, внутренней мотивации.

Если изначально в экстремистские группы вступали исключительно по идейно-религиозным убеждениям, то в последние годы принадлежность к идеологии ваххабизма становится *элементом моды*, которая привлекает сюда молодежь.

Сегодня в республиках Северного Кавказа стало модным носить бороды, хиджабы, рубашки на выпуск и т.д. Исследования, проведенные в учебных заведениях Нальчика, показывают, что лидеры ваххабитского подполья ассоциируются у определенной части учащейся молодежи с неким образом современного «ЧЕ», своеобразного «благородного разбойника Робина Гуда».

Посредством «возвышенных и благородных мотивов» обычно вовлекают молодежь, которая, в силу юношеского максимализма, легко принимает радикальные национальные, социальные или религиозные идеи (т.е. «имманентный», психологический эквивалент того, что именуется экстремизмом, среди кавказской молодежи ассоциируется с так называемым героизмом).

Лидеры экстремистов умело используют в своей пропаганде лучшие качества, присущие кавказской молодежи, — жертвенность во имя друга, неприятие трусости, презрение к опасности и др. К тому же продолжительное пребывание членов экстремистских групп в конспиративной обстановке при непрерывной и интенсивной террористической (религиозной) тренировке, включающей и специальные (ведущие к реформированию мышления) технологии психологической обработки, приводит к появлению специфической среды, характеризующейся особым типом сознания людей ее составляющих.

В свое время С. Булгаков рассматривал феномен «героизма» на примере экстремизма российской интеллигенции. Его психологический анализ практически не потерял своей актуальности и сегодня. Согласно анализу С. Булгакова, экстремист, исходя из некоторых своих представлений о мире и обществе, убежден в необходимости осуществления своих представлений в реальной жизни. Поскольку, с его точки зрения, этого некому сделать, кроме него самого, то именно так он неизбежно приходит к «самообожению» — самообожествлению, т.е. восприятию себя как демиурга, во власти которого и находится переустройство жизни людей. Иначе говоря, экстремисты «чувствуют себя героями, одинаково призванными быть провидением и спасителями». Данное представление неизбежно ведет к терроризму³.

³ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Вехи, 1909. С. 49.

Деятельность религиозного экстремиста принимает характер деструктивной самореализации, в своей значительной части это тип личности с двойственным отношением к жизни. С одной стороны, они хотят сделать ее справедливой и правильной, с другой — уничтожают ее, убивая многих, для достижения своих идеалов. Эмоции, возникающие в этом процессе у террориста, с учетом кавказской ментальности, как правило, агрессивны и стеничны, мало подвержены депрессии.

К сожалению, работники республиканских МВД, особенно в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, в 1990-х — начале 2000-х гг. совершали немало ошибочных карательных действий в отношении широкого круга верующих мусульман, что привело к расширению среди них протестных настроений, создало вокруг них некий ореол «мучеников за веру». А ведь экстремистский «героизм» возвышает человека не только в собственных глазах: «страдания и гонения больше всего канонизируют героя в его собственных глазах, но и для окружающих»⁴.

Поэтому не случайно для формирования и расширения экстремистской сети используются, в частности, недовольные местные жители, особенно те, кто испытал на себе воздействие карательной силы правоохранительных органов. Подпольная экстремистская сеть продолжает обновляться также за счет новых членов, создавая новые джамааты в городах и селах, школах и высших учебных заведениях.

Эти джамааты имеют налаженную сеть взаимопомощи людскими и финансовыми ресурсами, оружием, а также выполняют важнейшие социальные функции, члены таких групп удовлетворяют свои основные социальные потребности: они уважительно относятся друг к другу, морально и материально поддерживают друг друга, поощряется институт семьи, многодетность. В отдельных случаях экстремистские сетевые группы предоставляют своим членам *большие социальные гарантии*, нежели может предоставить государство. В частности, устраивают на работу в подконтрольные коммерческие фирмы, осуществляют защиту от криминальных и иных структур и т.д.

В качестве примера можно привести случай, когда у одного из членов группы в КЧР угнали автомобиль с намерением вернуть его хозяину за вознаграждение, однако члены группы сумели вернуть его совершенно бесплатно⁵.

Другой случай. 17-летняя русская девочка, жительница г. Прохладный в Кабардино-Балкарии, с ранних лет вела аморальный образ жизни, употребляла спиртные напитки, лечилась по поводу венери-

⁴ «Ничто так не утверждает психологии героизма, как внешние преследования, гонения, борьба с ее перипетиями, опасность и даже гибель» (Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 41, 44).

⁵ Тхакушинова Ш.Н. Причины религиозного экстремизма в молодежной среде Карачаево-Черкесской Республики // Кавказ: проблемы реинтеграции социокультурного пространства и вызовы региональной безопасности. Материалы Международной научно-практической конференции. 24–25 сентября, 2012. Ростов-на-Дону.

ческих заболеваний. Родная мать выгнала ее на улицу, где она оказалась в асоциальной компании. На девочку-подростка, от которой отказались и родные, и соответствующие государственные органы, обратили внимание члены одной из исламистских организаций, где ее «приобщили к вере», излечили от алкогольной зависимости, выдали замуж и устроили на работу.

Такие действия членов общины вызывают уважение в обществе и укрепляют их авторитет. Вступление в такие группы у части молодежи воспринимается, как приобщение к некому братству, где все друг друга уважают, где царит атмосфера взаимопонимания и взаимоуважения, где всегда помогут и выручат.

Новичков принимают в ряды «лесных» особенно охотно, если они «повязали себя кровью».

Один из примеров, когда новобранцы «джихада» решили засвидетельствовать свою преданность одному из лесных амиров, произошел 5 апреля 2012 г. в Нальчике, когда двое молодых людей 20 и 23 лет (Азамат Ксанаев, Алибек Пшигаушев) напали с ножом на 24-летнего оперуполномоченного уголовного розыска одного из отделов городского УВД. Через несколько дней офицер скончался в больнице.

Как стало известно позднее, парни готовились к «джихаду», для чего им в качестве подтверждения своей готовности требовалось предъявить вербовщикам табельное оружие полицейского.

Другой случай, вызвавший широкий общественный резонанс в регионе, также произошел в Нальчике, немногим ранее, 26 января 2012 г., когда молодые «рекруты», с целью заслужить доверие у лидеров бандподполья, напали на мужчин, игравших в волейбол в спортзале школы № 19, связали их и хладнокровно перерезали горло одному, назвавшемуся военным летчиком.

Как правило, вербовка в члены радикальных религиозных организаций ведется в отношении лиц, которые находятся в сильном эмоциональном дисбалансе. В условиях Северного Кавказа это может быть стресс, вызванный тяжелыми переживаниями после трагического события, гибели близкого человека, связанный с унижением и т.д.

Для молодого кавказского парня, которого публично поставили на колени в ходе спецоперации, либо заставили снять брюки для того, чтобы проверить наличие нижнего белья на предмет принадлежности к «ваххабизму», это может явиться серьезной душевной травмой. Обычно такие личности испытывают сильную потребность в реанимации чувства самоидентичности, принадлежности группе. Идентификация с радикальной или деструктивной группой обеспечивает таким людям социальную роль, хотя и негативную.

По мере того как вовлеченная личность проникается идеологией своей организации, он усваивает ее внутренние принципы, риторику и новояз. Одновременно им дают понять, что в обмен на обязательства, взятые на себя террористической или культовой организацией, эти люди также должны взять на себя *определенные обязательства по поддержке других членов группы*.

Возникает своеобразная круговая порука, позволяющая лидерам террористов расширять социальную базу, требуя от вовлеченных лиц участия в деятельности группы в форме финансирования, снабжения, укрывательства, поставки рекрутов и т.п. Этим в экстремистскую или террористическую деятельность прямо или косвенно втягиваются еще большие группы населения, создающие его социальную базу и затрудняющие создание в обществе сопротивления насилию⁶.

В последние годы в деятельности радикальных экстремистских религиозных организаций отмечается все большее присутствие лиц с криминальным прошлым, нередко откровенных уголовников. Связано это с тем, что бюджет подпольных джамаатов сегодня пополняется за счет «налога на джихад», которым экстремисты обложили крупный бизнес на Северном Кавказе. Рэкет обеспечивает финансовую независимость и автономность вооруженных джамаатов.

Сумма, которую платят бизнесмены, зависит от сферы деятельности и их финансовых возможностей, однако наибольшие платежи взимаются с тех, кто занимается запрещенным по шариату бизнесом — производители и реализаторы алкогольной продукции, владельцы игорных домов и держатели притонов. Суммы, которые получают таким образом боевики, используются не только на содержание членов джамаата, покупку оружия и продовольствия. Значительная часть средств идет на помощь «братьям-мусульманам», отбывающим срок в исправительных колониях. Обеспечивая защиту от тюремного произвола как со стороны администрации тюрьмы, так и уголовных авторитетов, лидеры «исламистов» *втягивают в свои ряды все большее количество молодых преступников*, которые, выходя на свободу, вливаются в их структуры.

О существовании «налога на подполье» известно, однако силовики не имеют возможности пресечь этот вид финансирования, поскольку никто из тех, кто платит такой налог, к правоохранителям не обращается, опасаясь за свою жизнь, а также за жизнь и здоровье родных и близких.

В последнее время после ряда успешно проведенных силовиками спецопераций, в частности, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии вооруженное экстремистское подполье лишилось своих идейных лидеров и на первые роли в джамаатах стали претендовать представители «криминального крыла» экстремистов. Акции боевиков стали заметно более дерзкими и циничными.

Таким образом, *существует система факторов*, способствующих распространению экстремистских идей среди населения северокавказского региона. И до тех пор, пока проповедники-экстремисты, *в отличие от официальных имамов*, будут вести диалог с молодежью на понятном ей языке, число потенциальных сторонников экстремистов будет только увеличиваться. Решить проблему можно только в рамках объединяющей идеологии и учета просчетов, допущенных (и допускаемых) представителями традиционных мусульманских структур региона.

⁶ Политическая психология / под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. М.: Академический проект, 2001. С. 332.